

МОЯ ЖИЗНЬ ВНЕ ПРОФЕССИИ (ИНТЕРВЬЮ Ю.М. РЕЗНИКА С ПРОФЕССОРОМ К.Э. РАЗЛОГОВЫМ, МОСКВА, 29 ИЮНЯ 2009 г.)

Уважаемый Кирилл Эмильевич! У Вас брали много раз интервью о культурологии и киноискусстве, где Вы является безусловным знатоком и экспертом

Я же хочу отойти от привычной для Вас схемы интервью и задать ряд вопросов, не относящихся непосредственно к основной сфере Вашей профессиональной деятельности. Давайте поговорим о жизни.

Ю. Резник

О жизненных смыслах

Ю.М. Резник: *Какой Вы представляете себе свою жизнь вне профессии? Что остается в ней в «остатке», т.е. за вычетом Вашей работы?*

К.Э. Разлогов: Жизнь вне профессии была забота о семье, детях, забота о собственном саморазвитии – это занятие тем, что тебе нравится. Как я буду себя вести в этой ситуации мне сказать достаточно трудно, потому что пока 90% моего времени занимает профессия. Может быть, я буду выращивать овощи в огороде, может быть, продолжу путешествовать, но уже за свой счет.

Ю.М.: *Что Вы любите больше всего в жизни? На что Вы опираетесь в жизни, кроме ценностей профессиональной деятельности?*

К.Э.: Больше всего в жизни я люблю спать. Помимо профессиональной деятельности я опираюсь в жизни на ощущение уверенности в собственной востребованности, но это в профессиональной сфере, и опять же, на семью, на детей, хотя я понимаю, что все это относительно и абсолютных связей здесь не бывает.

Ю.М.: *Кому Вы больше всего обязаны за свой жизненный успех? Кто является Вашим учителем (учителями) по жизни?*

К.Э.: Думаю, что своей матери. А учителями по жизни являются родители и отец, и мать по-своему, и дед по отцовской, и бабушка по маминой линии. Дед по болгарской линии из крестьян был политическим деятелем. Уже пенсионером, когда мы с ним сблизились, рассказывал мне много любопытного про свою очень богатую и разнообразную жизнь, об эмиграции и общественной деятельности. Отец, хоть мы и общались с ним меньше, чем мне хотелось бы, научил меня основному. Когда мы говорили в связи с тем, что какое-то время жили с ним в Болгарии и во Франции, где я выучил иностранный язык, он мне сказал ключевую фразу: «Важно не то, что ты выучил язык, а то, что расширил свой кругозор». Расширение кругозора есть одна из закономерностей моего саморазвития. И были, конечно, учителя по про-

фессии. Школьных учителей я не очень помню, запомнился только директор школы в Болгарии, с которым у меня сложились хорошие отношения. По университету — это Алексей Ильич Комеч, который читал нам историю искусства на подготовительных курсах в МГУ, Виктор Никитич Лазарев и Виктор Николаевич Гращенко, которые были главными специалистами в период моего обучения. В кино меня в основном учили книги, газеты и, конечно, экран.

Ю.М.: *Ваше жизненное кредо (опишите вкратце основные жизненные принципы, которыми Вы руководствуетесь в повседневности).*

К.Э.: Первое жизненное кредо — по мере возможностей не причинять вреда окружающим. Второе — по мере возможностей добиваться поставленных целей притом, что если ты достиг 10% того, что тебе хотелось бы, то это уже успех, обычно добиваешься менее 10%. Не мешать людям жить так, как они это считают нужным. Что не значит вовсе не вмешиваться в их жизнь. Можно давать советы и т.п., но ни в коем случае не заставлять их делать того, что противно их жизненным принципам. И каждый человек отвечает за себя, хотя ты в ответе за собственных детей, пока они не повзрослеют.

Ю.М.: *О чем Вы думаете каждое утро, когда пробуждаетесь ото сна? Какие мысли Вас настраивают на очередной день?*

К.Э.: Поспать подольше. Обычно я настраиваюсь на очередной день с вечера. Когда у меня есть что-то, что я должен сделать на следующий день, я обязательно должен продумать это с вечера и заснуть с мыслью об этом. Тогда в процессе сна происходит работа, которая позволяет с утра на свежую голову сделать это достаточно быстро.

Ю.М.: *Верите ли Вы в судьбу? Есть ли некая заданность и неизбежность Вашего жизненного пути и, в чем она выражается?*

К.Э.: Я не верю в судьбу, как внешнюю силу, но я верю в то, что в характере человека есть те черты, которые проявляются помимо его воли, поэтому моя собственная судьба — это мое собственное поведение, которое определенным образом уже рассчитано. Конечно, если на тебя упадет стена или кирпич, то это тоже судьба, но она малоинтересна, поскольку ты никак не можешь на это повлиять. К примеру, мой отец умер в 60 лет естественной смертью, он прожил так, как считал нужным и умер в тот момент, когда посчитал, что не сможет больше жить так, как ему нужно и так, как считает достойным. Это его судьба, но не такая, которую он сам себе сделал, а та, которая именно так сложилась, потому что у него был такой характер, такое стремление. И моя судьба тоже определенным образом складывается.

Неизбежность жизненного пути выражается в том, что ты действуешь в соответствии со своими принципами и тем самым задаешь траекторию своего жизненного пути. Например, всю жизнь я избегал увлечений, которые могли бы повредить семейному благополучию, в принципе, мне это пока удалось. Это заданность жизненного пути, которую я оберегал от внешних обстоятельств. Хотя, когда я был молоде, то могли быть ситуации, когда я не в силах был устоять перед искушением. Но это стремление было чуждо мне. Когда я чувствовал, что влечение может оказаться слишком сильным, то уходил в сторону.

Ю.М.: *Ваше отношение к религии и к Богу. Нашли ли Вы свой путь служения Богу или у Вас другие духовные искания?*

К.Э.: Религия меня интересует с точки зрения культурологии, как механизм поддержания психического равновесия людей. Что касается Бога... Поскольку существ-

вание или несуществование Бога доказательству не подлежит, то это теоретическая проблема, над которой я периодически размышляю. Прекрасно понимаю, что он может быть, а может не быть, чисто теоретически и умозрительно как некое реальное существо. Но также и как первотолчок для Вселенной и т.п. Первоначально мне казалось, что бесконечности быть не может, что все конечно. Потом понял, что все бесконечно, так как конца быть не может.

Я никогда не рассматривал свою жизнь, как служение Богу, но как служение людям. Поэтому духовные искания — это не поиски Бога, а размышления по поводу его существования и несуществования.

Ю.М.: *Есть ли у Вас свое жизненное предназначение? Для чего Вы живете? Удалось ли Вам выполнить, хотя бы частично, свою миссию в этом мире?*

К.Э.: Основное жизненное предназначение — это дети. Второе предназначение — сделать что-то в профессиональном смысле. Я пишу книги, провожу фестивали, исследую какие-то проблемы — что мне приносит удовлетворение и, видимо, зачем-то нужно окружающим людям, поскольку мне дают это делать, и платят за это деньги.

Я не считаю, что у меня есть миссия в этом мире. Биологическую миссию я выполнил, родив и воспитав троих детей. Научную миссию тоже выполнил, написав и сделав что-то, что может быть будет востребовано в будущем или нет. А свою культуртрегерскую миссию я выполняю повседневно, пытаюсь каким-то образом расширить зону притягательности тех произведений искусства, которые мне кажутся ценными и интересными.

Ю.М.: *Каким Вы видите свое расставание с жизнью? Боитесь ли Вы смерти?*

К.Э.: Смерти как таковой я не боюсь, но мне не доставляет удовольствия мысль о длительных страданиях, поэтому я предпочел бы мгновенный инфаркт многолетнему раку. Мне не хотелось бы причинять много неудобств членам своей семьи. Я скорее боюсь дряхлости, когда перестает работать голова, и другие органы тоже работают не так, как тебе хотелось бы.

Ю.М.: *Вы не хотите быть в тягость.*

К.Э.: Ни себе, ни окружающим.

Ю.М.: *Но моментального исхода не боитесь?*

К.Э.: Это идеально было бы.

О себе. Ничто человеческое...

Ю.М.: *Как известно, ничто человеческое Вам не чуждо. Вы любите жизнь, ее прекрасные стороны, комфорт и т.д. Но что Вам мешает устроить свою жизнь лучше? Назовите «внешние» причины Ваших жизненных неудач?*

К.Э.: Моя жизнь устроена достаточно хорошо. Мешает ее устроить лучше то, что у меня трое детей, которых нужно содержать, частично во всяком случае, словом, семья, заботы, хлопоты и т.д. Что касается жизненных неудач, то они связаны с тем, что 90% не удается, потому что то, что ты хочешь делать, не вписывается в деятельность окружающих тебя людей. Те прямые неудачи, которые у меня были только пошли мне на пользу: я поступил в университет, а не во ВГИК, меня не выбрали директором Института кино, но выбрали директором Российского института культурологии, что значительно более интересно. Свои жизненные неудачи я перерабатываю внутри себя таким образом, что убеждаю себя, что они не неудачи, а наоборот, что судьба знает, что для тебя было бы лучше. Все, что делается, к лучшему. Все,

что делается в обществе, определяется волею, стремлением людей. Некоторые вещи, которые мне хотелось бы сделать, я вообще никогда не делаю, а может они вообще не нужны.

Ю.М.: *За что Вы любите себя? Что Вы считаете своими несомненными достоинствами?*

К.Э.: Честно говоря, себя я не очень люблю. Из достоинств — терпимость.

Ю.М.: *А почему Вы себя не любите?*

К.Э.: Просто я не испытываю к себе никаких чувств. Могу испытывать чувства к другим людям или к природе. Но меня интересуют чувства других людей по отношению ко мне.

Ю.М.: *У Вас есть ощущение собственного тела, внешности? Как Вы это оцениваете?*

К.Э.: Собственное тело меня никогда не радовало. Хотел, чтобы оно было сильнее, красивее, более развито, поэтому чувство неполноценности у меня с этим связано с детства.

Ю.М.: *Сейчас Вы преодолели этот комплекс?*

К.Э.: Нет, не преодолел, потому что у меня лишний вес, с которым я никак не могу справиться.

Ю.М.: *А что-то приятное ощущаете в своем теле? Рады, что Бог наделил Вас именно этим, а не другим телом? Ведь другие Вам симпатизируют и это ведь не случайно.*

К.Э.: Ну если есть симпатия, то, слава Богу. Я люблю получать удовольствия от жизни — есть, пить, заниматься всякими безобразиями.

Ю.М.: *Какие черты Вашего характера дают Вам преимущества перед другими людьми в достижении жизненного успеха?*

К.Э.: Я думаю, что это — последовательность. Есть люди, которые, если что-то у них не получается, отступают. Когда же у меня что-то не получается, то я стараюсь довести это до конца, потому что самое главное отрицательное ощущение у меня связано с теми вещами, которые я не довел, а хотелось бы довести. К примеру, у меня был контракт с Кембриджским университетом на книгу в 600 страниц на английском языке, которая мне была бы нужна и интересна. Над ней я сразу начал работать и написал 100 страниц. А потом наступили 1990-е гг., началась погоня за деньгами, что этот проект не сулил, а усилий он требовал огромных, и я бросил это безнадёжное, как мне тогда казалось, дело.

В юности собирался написать трехтомную историческую поэтику экрана. В такой форме я уже ее не напишу, потому что на нее понадобится слишком много сил, которые я трачу на другое. Так что этот проект реализован уже не будет. Другой проект, который тоже не будет реализован, так как общество к нему не готово, — это Большая энциклопедия экранной культуры. Был проект создания института информационных технологий культуры. Мне не удалось его создать, но я был выбран директором в РИКе и создал сектор, который в известной мере восполняет нереализованность этого проекта, т.е. здесь я добился некоего промежуточного результата. Естественно были какие-то варианты жизненного пути, которые бы его существенно изменили, но я не беру личный план, так как там все чистая лотерея. Когда я работал в Госфильмофонде, партийное начальство предлагало еще немного подождать и обещало пост директора. Наверно мне было бы это интересно, но мне не хватило терпения, и я пошел по другому пути. Да и не факт, что меня сделали бы директором в Госфильмофонде. Но я был бы там на своем месте, и делал бы работу возможно не

хуже тех, кто там работает, и вероятно, написал бы книги. Но я выбрал другой вариант. Его преимущество состоит в том, что он дает больше положительных жизненных ощущений. Меня спасает изменение форм деятельности, а однообразие убийственно действует на психику. А если ты меняешь деятельность, то сегодня ты сидишь среди занудных специалистов по культурной политике в Париже, а завтра ты среди актрис на каком-то банкете, получая совершенно другие положительные эмоции, а послезавтра ты обо всем этом забываешь и сидишь в кругу семьи.

Ю.М.: *Но Вы же сами организовали себе такую жизнь?*

К.Э.: Да, сам организовал. Выбрал профессию, которая дает такую возможность. Скажем, была возможность устроиться работать в американский университет, пока дочь там училась. Какой-то шаг в этом направлении на тот момент я сделал, но подумал, что в маленьком университетском городке, где все друг друга знают, без возможности ездить на Каннский фестиваль, жить неинтересно, к тому же жена не знает английский язык... Может потому что меня туда не взяли, я решил, что мне это и не надо. Но с другой стороны, больше я не предпринимал попыток в эту сторону. Если бы я поставил себе такую цель, то наверно сейчас преподавал бы в одном из университетов США.

Ю.М.: *Все ли зависит от цели, которую мы ставим перед собой? Много, о чем Вы говорили, зависит ведь и от стечения обстоятельств.*

К.Э.: От стечения зависят обстоятельства, а твое поведение внутри этих обстоятельств зависит от судьбы, которую ты сам себе строишь, и от целей, которые ты или близкие тебе люди задают.

Ю.М.: *Какие недостатки мешают Вам жить, а какие помогают, стали Вашей «второй натурой»? Чтобы Вы хотели исправить в себе и что — нет? Есть ли у Вас недостатки, от которых Вы не хотели бы избавиться?*

К.Э.: Недостатки, которые помогают — лень. Я всегда стараюсь найти короткий путь к достижению цели. Недостатки, которые мешают, наверно это — обжорство. Если говорить о недостатках в характере, то, наверно, это — имеющийся страх в крови, страх перед бюрократической системой, то, что еще идет от Сталина и его режима. Некоторые вещи, за которые мне наиболее стыдно, как раз связаны с этой боязнью, что что-то будет, хотя я жил уже в тот период, когда серьезных угроз жизни и безопасности не было, но остается страх именно с точки зрения действий бюрократии.

Ю.М.: *Согласен, что практически любые ограничения личной свободы исходят от системы. Именно поэтому страх перед нею Вы считаете своим главным недостатком?*

К.Э.: Да. Такой инстинктивный страх, от которого я бы с удовольствием избавился.

Ю.М.: *Часто мне приходилось слышать от Вас и о Вас, что Вы — циник. Насколько Вы разделяете подобную точку зрения? Цинизм для Вас — это часть большой игры под названием «жизнь» или что-то другое?*

К.Э.: Это такая бравада. Я считаю, что так или иначе я — циник, с точки зрения того, что я всему знаю цену. Но, наверно, ценность этого я тоже представляю, когда смотрю на окружающую жизнь и на самого себя, не стесняясь всё называть своими словами, в т.ч. и свои отрицательные качества.

Ю.М.: *И, тем не менее, Вы относитесь к людям чаще всего не критически, а с большим кредитом доверия. Какой же Вы тогда циник?*

К.Э.: В отношении людей иногда да, иногда нет. Я человек, который скорее скажет «да», чем скажет «нет». Я интуитивно всегда скажу «да», даже когда это будет

неправильно. Это, наверное, черта, противоположная цинизму, потому что всегда считаешь, что в каждом человеке заложено что-то позитивное и ни один человек сам себе не враг.

Ю.М.: *В жизни Вы ведете себя как вполне толерантный человек, допускающий иные мнения и принимающий людей с иными характерами и манерами. Есть ли Вас порог или предел Вашей толерантности? Что Вы не принимаете в людях? Что может послужить поводом для прекращения отношений с ними?*

К.Э.: Я не могу терпеть, когда причиняют зло другим, даже в случае, когда ребенок плачет, а мать его бьет. В людях не принимаю нетерпимость и повышенное самомнение. Поводом для прекращения отношений с людьми может быть злоупотребление моим доверием.

Ю.М.: *Как Вы относитесь к предательству близких Вам людей, друзей? Предавали ли Вас в жизни?*

К.Э.: Конечно предательство не радует, но к счастью много с этим сталкиваться мне не приходилось в жизни.

Ю.М.: *Но были ли случаи откровенного предательства?*

К.Э.: Относительно были, но в основном в бизнесе, а он имеет свои законы. Вот здесь я циник.

Ю.М.: *Кого Вы относите к числу своих друзей? Что Вы цените в дружбе – возможность поговорить по душам и глубокое доверие, преданность и надежность, порядочность и честность, чувства сопричастности (солидарности) и взаимодополнительности? Или что-то еще?*

К.Э.: В принципе друзей у меня не было и нет в глубоком смысле этого слова. Был приятель в университете, с которым мы долго общались, но были именно приятели, потому что в чисто человеческом общении мне были интересны только женщины. Мужчины как собеседники про смысл жизни мне неинтересны, даже когда я еще в юности вел эти беседы в группе.

А во весь Ваш перечень о дружбе, который Вы привели, я не верю.

Ю.М.: *А есть ли все-таки настоящая женская, мужская дружба, с Вашей точки зрения?*

К.Э.: Наверное, есть, потому что это такая вещь, которая обозначается каким-то словом, раз слово есть, значит, есть и ощущения, которые связаны с этим словом.

Ю.М.: *То есть Вам это ощущение неведомо?*

К.Э.: Нет.

Ю.М.: *Хорошо. Какое место в Вашей жизни занимает любовь к женщине? Если представить обобщенный образ Вашей любимой женщины, то какими чертами она обладает или должна обладать?*

К.Э.: Образ моей любимой женщины – это моя жена. Какими чертами она обладает? Силой чувств, искренностью, терпимостью и пониманием. Ведь счастье – это когда тебя понимают.

Ю.М.: *Что для Вас означает быть любимым человеком?*

К.Э.: Это означает, что есть еще один человек, который понимает твои устремления, твои желания, настроения. И когда ты любишь человека, пытаешься быть для него таким же.

Ю.М.: *То есть у Вас это всегда взаимно?*

К.Э.: Зеркало. Невзаимная любовь меня не интересует. Бывают влюбленности, которые ты себе придумываешь в подростковый период.

О публичной жизни

Ю.М.: *Вам приходится чуть ли ни ежедневно общаться с журналистами, давать интервью. Вы считаете себя публичным человеком?*

К.Э.: Да, я считаю себя публичным человеком.

Ю.М.: *Скажите, Ваша известность сродни популярности актеров и режиссеров кино? Или это нечто иное? Нравится ли Вам быть узнаваемым человеком в публичной сфере, в т.ч. толпе поклонников или поклонниц?*

К.Э.: Скорее это популярность телеведущего. И мне нравится быть узнаваемым.

Ю.М.: *За что Вы цените себя как публичного и известного человека? В чем состоит Ваш индивидуальный стиль Вашей самопрезентации?*

К.Э.: Индивидуальный стиль заключается в том, что я не люблю официальные чопорные представления, люблю говорить с людьми по-человечески.

Ю.М.: *То есть по своей сути Вы – неформал или сочетаете в себе формальное и неформальное?*

К.Э.: В случае необходимости могу вести себя формально, но для меня это будет насильем, это неестественное для меня состояние. Считаю, что мне повезло иметь такую творческую профессию, которая в отличие от профессии дипломата или чиновника позволяет мне чувствовать внутри себя свободным, в т.ч. в манере поведения, выражения, выборе лексики, которой я говорю. Это одна из причин, по которой я выбрал эту профессию – либеральная свободная профессия, которая позволяет вести себя в соответствии с тем, как тебе хочется. Хотя я жил в чиновничьей семье, работал в министерстве и знаю, что нужно вести себя при начальнике таким образом, при секретаре компартии – другим образом, что есть определенные правила поведения, не правила воспитанного поведения, которые ты соблюдаешь, не задумываясь.

Ю.М.: *Вы – сетевой человек? Предпочитаете ли сетевые структуры и сетевые сообщества формальным структурам? Где Вы чувствуете себя более естественно?*

К.Э.: Не скажу, что я что-то предпочитаю. Приходится ведь работать и там, и там.

Ю.М.: *А внутреннего пиетета перед высоким начальством у Вас уже нет?*

К.Э.: Был когда-то, когда начальники казались небожителями.

Ю.М.: *А теперь они спустились с неба на землю?*

К.Э.: Да.

Ю.М.: *У каждого публичного человека имеется свой сценический репертуар, т.е. набор любимых ролей и игровых ситуаций. Что Вы как игрок, находящийся время от времени на сцене, считаете своими сильными чертами? Имеется ли у Вас свое сценическое амплуа?*

К.Э.: Сильная черта – способность импровизировать, обращаться к враждебной аудитории – это самое интересное – выступать и удерживать ее.

Ю.М.: *Но ведь это лично для Вас большой эмоциональный удар.*

К.Э.: Главное – уметь держать удар. Мне неинтересно физическое противостояние, может потому, что я его проигрываю.

Ю.М.: *Вы часто общаетесь с актерами. И каждый человек в определенной мере актер. Что Вы считаете своей актерской сущностью?*

К.Э.: Не показывать свои чувства, т.е. показывать их по своей воле и только в том случае, если знаешь, что это необходимо, но ни в коем случае не показывать чувства, когда они на тебя нахлынут.

Ю.М.: *То есть Вы считаете себя достаточно выдержанным человеком?*

К.Э.: Да.

Ю.М.: Но как у любого сценического героя у Вас имеются наверняка свои любимые маски. Какие маски Вы используете чаще всего при встрече с представителями СМИ, актерами и сотрудниками своего института?

К.Э.: Моя любимая маска – улыбка. И это, между прочим, раздражает, потому что я стремлюсь показать, что отношусь к окружающим доброжелательно. Поскольку я занимаю определенную позицию и вынужден командовать определенными людьми, то иногда есть необходимость надеть маску строгого, даже слегка раздраженного начальника, изредка приходится повышать голос, чтобы это возымело действие.

Ю.М.: Но при этом Вы себя контролируете?

К.Э.: Да. Я не поддаюсь своим эмоциям.

Ю.М.: Эмоции отбрасываете, и остается чисто игра?

К.Э.: Это чисто игра.

О детстве

Ю.М.: Кирилл Эмильевич! Как говорят, мы все родом из детства. Каким Вы себя сегодня помните в детстве?

К.Э.: У меня была достаточно благополучная семья. Я был толстым и неуклюжим, наверное.

Ю.М.: О чем мальчик Кирилл мечтал в 5 или 10 лет? Что служило для него в жизни путеводной звездой?

К.Э.: В 10 лет я уже мечтал быть академиком-математиком. Всегда собирался заниматься наукой и связывал свою карьеру с математикой. Но в 14 лет меня совратило кино.

Ю.М.: Ваши первые шаги в освоении искусства жизни? Когда Вы почувствовали, что отличаетесь от других ребят? В чем состояло Ваше преимущество перед ними? И что Вы считали тогда своей слабостью в общении со сверстниками?

К.Э.: Уроки жизни мне давали сверстники.

Ю.М.: Они преподносили Вам сюрпризы?

К.Э.: Да. Основная сложность в этом плане интегрироваться в определенное сообщество со своими правилами. Детские сообщества имеют жесткие правила. Поэтому проблема интеграции – всегда болезненная, и не всегда удается интегрироваться, тем более что я жил в семье политэмигрантов, жил за границей среди иностранцев, и ни в какой компании не был своим в собственном смысле слова. Я всегда был «человеком со стороны», со странной биографией, историей. Это очень тренирует и воспитывает сопротивляемость враждебности окружающей тебя среды. Но это малоприятное обстоятельство, с которым приходилось жить.

Это сопровождало меня с самого начала жизни. Когда мне исполнилось два года, родители до этого были советскими гражданами, а в 1948 г. отец должен был снова принять болгарское гражданство и по идее вернуться на родину. И мама тоже должна была принять болгарское гражданство, так как нельзя было оставаться советской гражданкой и быть замужем за иностранцем. И моя семья стала иностранной. И сразу же изменились отношения ее со всеми окружающими. Одно дело – ты свой, другое – иностранец. Так, я превратился в «иностранца» в двухлетнем возрасте.

Ю.М.: Как у ребенка, у Вас была какая-то особая защита? Было с чем выходить во двор, в эти компании?

К.Э.: Преимущество было в широте кругозора. Слабость – неумение интегрироваться в эту компанию.

Ю.М.: *На мой взгляд, Вам присуща некоторая детская непосредственность? Но я могу ошибаться, принимая одну из Ваших масок за характерную особенность? Насколько Ваши детские черты Вы сохранились во взрослом состоянии?*

К.Э.: В каждом человеке живет ребенок, и он сохраняет эти черты. Для того, чтобы понимать искусство и работать в этой сфере, нужно возвращаться к непосредственному восприятию.

Ю.М.: *Чего Вы больше всего боялись в детстве? Сохранились ли некоторые Ваши детские страхи во взрослой жизни?*

К.Э.: У меня нет ощущения, что детские страхи сохранились во взрослой жизни. Скорее во взрослой жизни появились страхи, когда я понял опасность «социальной машины», с которой приходилось сталкиваться. В детстве я ее не понимал. Я жил в обстановке очень доброжелательной и охраняющей нас, детей от воздействия окружающего мира. Мы жили в коммунальной квартире в одной комнате. И там еще жило 12 семей, так что приходилось сталкиваться с поножовщиной и прочими радостями, но нас выводили из комнаты только раз в неделю, когда вели в ванную принимать душ. Тогда нас старались охранять от внешнего воздействия, говорили с нами на специфическом языке, интеллигентском. Поэтому когда я впервые услышал школьные и прочие выражения, меня это шокировало.

Ю.М.: *И последний вопрос, хотя у меня осталось их еще много, но пора завершать наш разговор. Вы — лидер по натуре или по воспитанию? Что из детства дало Вам силы удерживать лидерскую позицию в сегодняшней жизни?*

К.Э.: Это получилось само по себе. Думаю, первый ход был, когда в университете случился очередной скандал по поводу искусствоведов, я вылез и сказал, что администрация исключает их для примера, не потому что они что-то такое сделали, а потому что нужно кого-то исключить. Никто меня за язык не тянул, но было ощущение необходимости в это вмешаться. А это потянуло за собой другое — изменение отношения и т.д.

Ю.М.: *Вас однокурсники стали больше уважать после этого выступления?*

К.Э.: Да. Думаю, что во многом это была производная от умения что-то правильно выразить, что-то точно сказать. Когда я езжу за границу, то до и после выступления отношение ко мне разное. После него видишь, как меняются по отношению к тебе люди, подходят и т.д. Это хорошо, когда подвешен язык, но появилось это у меня не сразу. Я долго мучился, делая доклады в университете, так как мне казалось, что они косноязычные. Но потом это привело к некому лидерству, в том числе и формальному. В советское время был секретарем комсомольской организации, в директора меня прочили. Не скажу, что мне этого особо хотелось. Приходили люди, простили чего-то.

Ю.М.: *Но Вы сами были не против?*

К.Э.: Я был не против.

Ю.М.: *Лидерство включает в себя доминирование над другими, в том числе в каких-то взглядах, позициях.*

К.Э.: Я никогда это так не воспринимал. Для меня лидерство включает в себя помощь другим. Нет ощущения собственного превосходства. На самом деле, поскольку отношения людей измеряются по разным категориям, то в этой категории я может и доминирую. То, что ты доминируешь в одном определенном сегменте, совсем не факт, что будешь доминировать в каком-то другом. Поэтому все в мире относительно.

«Вопросы на засыпку»

Ю.М.: В заключении нашей беседы позвольте задать Вам несколько неожиданных вопросов. Вы считаете себя жадным человеком?

К.Э.: Нет.

Ю.М.: Делиться с близкими людьми Вам легко или Вы делаете это с видимым усилием?

К.Э.: Я готов делиться с ними только при одном условии, если это не в ущерб членам моей семьи.

Ю.М.: Вы рассматриваете пост директора Российского института культурологии как источник ресурсов или как сферу самоутверждения?

К.Э.: Как общественную повинность.

Ю.М.: А как легко Вы можете с ней расстаться? И что нужно, чтобы Вы покинули этот пост или ушли на должность главного научного сотрудника?

К.Э.: Должна наступить определенная ступень усталости.

Ю.М.: Это зависит только от Вас?

К.Э.: Нет, конечно. В любой момент меня могут уволить и отправить куда угодно.

Ю.М.: Но в своем коллективе Вы уверены? Не чувствуете здесь оппозиции?

К.Э.: Оппозиция есть. Я прожил два года финансового кризиса 1997–1998 гг., когда не платили зарплату, я со всех договоров брал 20% на оплату коммунальных услуг, и был ненавидим, чувствовал это физически, как ненависть ко мне крепла.

Ю.М.: Вы видите перспективы Вашего института лет на пять вперед?

К.Э.: Перспективы у института очень большие и интересные, поскольку он оказался в центре наиболее мобильных зон современной науки. Он не во всем реализует эти преимущества, но ясно, что он востребован, что то, чем он занимается, необходимо. Те сотрудники, которые имеют для этого основания, – вполне востребованные люди. Поэтому если история будет развиваться так, как она развивается, то в принципе он будет утверждаться в этом своем качестве.

Другое дело, что история может сделать любой зигзаг, его могут под воздействием кризиса вообще ликвидировать. С другой стороны, абсолютная бессмыслица иметь такие большие институты, шесть научных институтов в министерстве культуры, каждый по 200 человек. Так что институт в известной мере является благотворительным учреждением, где мы не даем людям умереть с голоду и позволяем им делать то, что им интересно. Но главное – не мешать тем людям, которые способны делать нечто большее, и способствовать тому, чтобы они это делали дальше. Иногда приходят люди и хотят войти в какой-то проект. Я всегда с удовольствием подписываю соответствующие бумаги. Хотя это может быть и плохо для директора, но я никогда не буду делать что-то за других.

Ю.М.: Но Вы не рассматриваете себя как человека, который должен предлагать коллективу программу деятельности?

К.Э.: Почему же. Такая программа у нас есть. Она состоит в идее утверждения нового научного направления – культурологии. Это магистральный путь развития института. Мой же магистральный путь как директора и человека – это разнообразие форм жизнедеятельности. Это значит ощущать себя востребованным. Другое дело, что гуманитарное знание у нас никогда не будет по-настоящему востребовано и оно по своей природе консервативно. А меня интересуют не консервативные вещи, а те, которые связаны с будущим, с прорывами, с тем, что происходит сегодня и будет происходить завтра. Я могу себе представить, что мог бы заниматься искусст-

вом Средневековья и русской классической литературой XIX в., и уже быть академиком, так как это уважаемое занятие. Но мне этим заниматься менее интересно, чем заниматься тем, что сейчас происходит.

Ю.М.: *Но время от времени Вы подаете заявки на участие в конкурсе на звание члена-корреспондента РАН. Значит Вам не все равно, какое «место под солнцем» занимать?*

К.Э.: Безусловно, потому что это единственное, что осталось еще неосвоенным. С другой стороны, если говорить об этой форме честолюбия, то я прекрасно понимаю, что мог бы это сделать. Только здесь технология другая — технология завязывания личных отношений внутри Академии, участие в академических мероприятиях, демонстрация пиетета по отношению к людям, которые имеют влияние. Но по сравнению с тем, что я делаю, мне это не очень интересно.

Ю.М.: *А Вы считаете Академию наук анахронизмом или форпостом отечественной науки?*

К.Э.: Институт Академии наук — полный анахронизм. Но, тем не менее, в современной системе иерархии высшим уровнем научной иерархии пока остается членство в Академией наук. Ясно, что с моими занятиями кино мне туда дорога закрыта. Тем не менее, это интересно, для меня попасть туда имеет некий смысл, потому что всегда нужно к чему-то стремиться в профессиональном плане.

Ю.М.: *Но это же игра. И Вы сами себе противоречите. Говорите «мне это не очень интересно по сравнению с тем, чем я занимаюсь» и тут же в следующем ответе утверждаете прямо противоположное, что это имеет для Вас смысл и интересно. И честно говоря, я не очень верю в Ваши слова, «что всегда нужно к чему-то стремиться в профессиональном плане». Если Академия наук для Вас — это «полный анахронизм» и занятие малоинтересное, то причем тут Ваши профессиональные устремления? Мне кажется, Вы просто лукавите.*

К.Э.: Все в жизни — игра. Но деньги, которые тебе будут платить пожизненно — это не игра, а способность не умереть с голоду. Но и ради этого я не буду предпринимать особых усилий, потому что пока своей деятельностью я зарабатываю значительно больше и при этом получаю значительно больше удовольствия. Я предпринимаю попытки, но никогда не буду предпринимать каких-то очень организованных и дополнительных усилий, которые предпринимает обычно при выборах в Академию наук.

Ю.М.: *Вы отдаете себе отчет в том, если в это полностью не вкладываться, то тогда ничего не получится? Трудно сидеть на «двух стульях»: заниматься тем, что тебе интересно, и стремиться попасть туда, где тебе не очень интересно, чтобы обеспечить себе достойную старость. Что-то здесь не склеивается никак.*

К.Э.: Конечно, отдаю отчет. Если не вкладываться, то, скорее всего, ничего из этого не получится. К тому же моя публичность вызывает у академиков раздражение, а мои занятия типа кино и телевидения они считают мало серьезными вещами, то же самое и мое стремление продвинуть культурологию. Поэтому это никак не связано с научными заслугами, интересами и т.д.

Ю.М.: *Вы прекрасно понимаете, что это может стать еще одним Вашим нереализованным проектом и, тем не менее, готовы предпринимать очередные попытки избираться в члены Академии?*

К.Э.: Посмотрим.

Ю.М.: *Да, жизнь покажет. Спасибо за понимание. Мне было крайне интересно с Вами беседовать.*